Общественные науки и современность, № 6, 2007, С. 140-147

ОБРАЗ НАУКИ КАК ФАКТОР САМООРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Автор: С. П. ЧЕРНОЗУБ

Любое обращение к процессам самоорганизации в современном российском научном сообществе, идет ли речь об исследованиях или пропаганде, приобретает особое измерение. Стоит вспомнить, что в его истории указанные процессы **никогда** не играли определяющей роли. С петровской эпохи российская наука создавалась "сверху", и на протяжении без малого трехсот лет зависела от материальной и организационной поддержки государства, а ученые, по существу, всегда пребывали в статусе государственных служащих. Конечно, были в России и энтузиасты, создававшие по собственному почину объединения исследователей и популяризаторов науки, были и выдающиеся меценаты. Тем не менее решающее значение всегда имело мнение, идущее "сверху", то есть со стороны правительства, а не "снизу" - от общества. В высшей степени не случайно, что именно у нас в 1930-е гг. была изобретена такая форма научного коллектива, как *шарашка*[1]. Этот предельный случай воплощения государственнической идеи в сфере организации науки предусматривал полное исключение традиционных форм научной свободы: право на скепсис, конкуренцию идей и отдельных ученых за профессиональное признание и карьерный рост.

С середины 1950-х гг. шарашки ушли в прошлое, а вместе с ними и практика тотального пресечения всякой инициативы, идущей **от научного сообщества.** Маятник двинулся в обратном направлении и в начале 1990-х гг. достиг крайнего положения на противоположной стороне. Государство решительно отказалось **организовывать** науку, то есть "строить" ученых и определять цели, которых те должны достичь. Научному сообществу было предложено активизировать механизмы самоорганизации и "ковать" свою участь, опираясь преимущественно на них.

С. Булгаков в свое время сказал, что "нигде в Европе жизнь так глубоко не оскорбляет на каждом шагу, не мучает, не калечит, как в России". Это обстоятельство, по его мнению, обусловлено тем, что русскому человеку, усвоившему идеалы, выработанные

---

[1] Вот - точное описание подобного заведения: "Все эти шарашки повелись с девятьсот тридцатого года, как стали инженеров косяками гнать. Первая была на Фуркасовском, проект Беломора составляли. Потом - рамзинская. Опыт понравился. На воле невозможно собрать в одной конструкторской группе двух больших инженеров или двух больших ученых: начинают бороться за имя, за славу, за сталинскую премию, обязательно один другого выживет. Поэтому все конструкторские бюро на воле - это бледный кружок вокруг одной яркой головы. А на шарашке? Ни слава, ни деньги никому не грозят. Николаю Николаичу полстакана сметаны и Петру Петровичу полстакана сметаны. Дюжина медведей мирно живет в одной берлоге, потому что деться некуда. Поиграют в шахматишки, покурят - скучно. Может, изобретем что-нибудь? Давайте! Так создано многое в нашей науке! И в этом - основная идея шарашек" [Солженицын, 1990, с. 83 - 84].

Ч е р н о з у б Светлана Петровна - кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института системного анализа РАН.

самой передовой современной мыслью, приходится существовать в действительности, которая эти идеалы не приемлет, а потому у нас нет возможности жить, соединяя требования совести и разума с жизнью [Булгаков, 1902, с. 861]. Нетрудно доказать, что образ научного сообщества, функционирующего на принципах самоорганизации, обладает не только всеми признаками идеала, но и драматической историей взаимодействия с российской действительностью, запечатленной в судьбах отдельных людей.

Начать с того, что он был возведен в статус идеала и ориентира на волне реформ, пафос которых состоял в воссоединении с цивилизованным миром вообще и мировым научным сообществом в частности. Разумеется, способы достижения этой благородной цели выбирались в соответствии с традициями российского реформаторства. Я имею в виду нашу несчастную "страсть к методам крутой расправы", нередко переходящую в экстатическое самоуничтожение[2]. И первой ее жертвой должно было пасть то, что отличало нас от остального мира.

А у нас волей судеб с начала XVIII в. ни один проект модернизации государства не разрабатывался без выдвижения соответствующего плана модернизации российской науки. Иначе говоря, формирование политики в сфере науки традиционно выступало в России **важнейшей составной частью государственного строительства** (данная национальная традиция уцелела даже в перипетиях преобразования империи в первое "государство рабочих и крестьян"). Но если россиянин, со школы привыкший относить создание Академии наук к великим свершениям Петра I, воспринимает само существование такого института как нечто обычное, естественное, то со стороны он видится во всей своей исключительности. Так, историк Л. Грэхэм, рассматривая судьбу науки в СССР, писал: "Я уверен в том, что наступит время, когда роль естественных наук в идеологии русской революции и установившегося затем режима будет рассматриваться как *самая необычная черта этой идеологии* (курсив мой. - *С. Ч.).* Другие великие революции Нового времени (подобно революциям в Америке, Франции и Китае) уделяли известное внимание науке, однако ни одна из них не породила систематическую идеологию относительно физической и биологической природы, как это случилось в результате русской революции... Все выдающиеся советские лидеры в прошлом - Ленин, Троцкий, Бухарин, Сталин - изучали явления науки, писали научные статьи, в которых затрагивали самый широкий круг вопросов (начиная с физики и кончая психологией), рассматривая эти вопросы в качестве важнейших компонентов политической идеологии" [Грэхэм, 1991, с. 8].

Политические лидеры постсоветской России уже не претендовали на трактовку загадок мироздания, что само по себе неплохо. Однако и благом подобное самоограничение не обернулось, поскольку их интерес к науке сводился, главным образом, к тому, как на ней сэкономить. "Наука рассматривалась как почти равноправный среди других источник экономии средств в целях достижения финансовой стабилизации. Политика государства в отношении научно-технической сферы не была вовремя скорректирована с учетом того, что экономическая стабилизация займет гораздо более длительный отрезок времени, чем это предполагалось в начале реформ" [Ельцин, 1996, с. 27]. Нельзя не признать самокритичности данного пассажа, однако реальная политика государства и после 1996 г. по сути не изменилась.

Такой поворот к "антипетровской" парадигме может быть оправдан только с позиций человека, затянутого в "круговорот" самоотрицания, сметающий укорененные культурные ценности и традиции. Ни в какой другой логике из отказа от государственной идеологии не вытекал отказ в покровительстве, которое государство традиционно предоставляло отечественной науке. Тем более что этот протекционизм был вполне ле-

---

[2] То, что Достоевский описал как "вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни" [Достоевский, 1981, с. 35].

гитимен в общественном мнении, ибо всегда использовался, чтобы поддерживать научное сообщество до того момента, когда на производимую им продукцию найдутся не зависимые от государства заказчики.

Полагаю, вряд ли кто, находясь в здравом уме и твердой памяти, сможет назвать ответственным тот подход власти к проблемам науки, который скрывался за призывом использовать механизмы самоорганизации. Для того чтобы воплотить в жизнь эту установку, необходимо было иметь эти механизмы, да к тому же в рабочем состоянии, а их не было. Поставленная задача не была проработана в теоретическом плане, то есть посредством определения новых параметров порядка[3], при которых сообщество ученых могло бы эффективно работать как самоорганизующаяся система. Нужна была и практическая апробация выдвинутых идей, а для этого в первом приближении следовало хотя бы определить образ той науки, которая должна была вырасти из семени (трупа?) науки советской.

Понятие "образ науки" и тесно связанное с ним - "образ научного сообщества" - используются мной для обозначения устойчивых стереотипов общественного сознания, в которых зафиксировано отношение к науке и сообществу ученых. Иначе говоря, указанные понятия суть популярные версии представлений о природе и социальном предназначении науки, о том, что такое наука вообще и сам ученый и его коллеги как представители определенной субкультуры в частности. Образ выражает в идеализированной форме оценку того пути, который наука уже прошла. Причем, как во всякой идеализации, в нем акцентированы черты, представляющиеся наиболее значимыми с позиций текущего момента. Поэтому целенаправленное формирование образа науки - важнейшее условие успешности проводимых в ней реформ.

Исследователи, работающие в области изучения процессов самоорганизации в сложных системах, установили, что присутствие информации об интегральных свойствах системы на уровне ее элементов определенным образом влияет на состояние системы в целом. Такая информация обеспечивает усложнение отношений между элементами и тем самым создает предпосылку для формирования структуры, потенциально способной к самоорганизации (см. [Курдюмов, Малинецкий, Подлазов, 2005]). Разумеется, речь идет о необходимой, но не достаточной предпосылке самоорганизации.

"Образ науки" в данном случае выступает средством, с помощью которого до каждого россиянина может быть доведена информация о том, что должна представлять собой отечественная наука. Подобный образ обеспечивает, как минимум, взаимопонимание непосредственно заинтересованных в развитии науки как социального института, а иногда и способствует тому, что общество начинает воспринимать ее интересы с симпатией и участием. Иначе говоря, "образ" как фактор самоорганизации выражает "национальную мечту" о науке.

При этом образ, предложенный в качестве национальной мечты, должен соответствовать архетипическому представлению о науке, сформировавшемуся в процессе развития нашей национальной культуры. Другими словами, он должен вызывать интуитивное согласие, принятие со стороны людей, сформировавшихся в ауре российской цивилизации. К. Юнг уподобил архетип смерчу, который можно увидеть лишь тогда, когда он нечто подхватит и понесет. Однако увлекающая сила того "смерча", которая сконцентрирована в образах науки, сформировавшихся в национальной культуре, была у нас парализована. Не в последнюю очередь потому, что именно в статусе национальной мечты науке 1990-х гг. было отказано.

Радикальная смена вектора государственной политики в данной области (ее переориентация на самоорганизующееся научное сообщество) происходила в атмосфере тотальной дискредитации того, что в этот момент наука собой представляла. На полноценную реформу не было денег, и кроме худо-бедно скроенного под систему грантов образа но-

---

[3] *Параметры порядка* - те ключевые переменные, которыми определяются основные характеристики системы.

вой науки предложить было нечего[4]. Стоило ли уменьшать и без того небольшие шансы на успех задуманного преобразования, помещая это хилое дитя эпохи перемен в атмосферу рассуждений о серости и неконкурентоспособности тех, кому поручалась его жизнь?

Теперь не установить, сознательно или нет, при внедрении идеала самоорганизующейся науки для него фактически была создана недружелюбная среда. Впрочем, сам по себе этот вопрос заслуживает внимания хотя бы в плане социальной психологии. Может быть, все дело в том, что С. Франк называл русским *рациональным нигилизмом.* Последний отличает "неверие в сверхрациональные основы культуры, в том числе и личность... и достаточная вера в простой человеческий разум, который с помощью кулака и плетки для неразумных и порочных легко и просто устроит человеческую жизнь" [Франк, 1992, с. 331].

Думаю, те небольшие основания для оптимизма по поводу механизмов самоорганизации в науке действительно строились на довольно простом расчете, а также на некритическом восприятии некоторых реалий идеологической игры под названием "соревнование двух мировых систем - капитализма и социализма". Почти сразу после смерти И. Сталина П. Капица и ряд других выдающихся ученых подготовили для ЦК КПСС несколько секретных записок, в которых сообщалось о наметившемся отставании советской науки от уровня западных разработок. Цель была проста: воспрепятствовать, насколько возможно, международной изоляции советских ученых, которых таким способом "берегли" от тлетворного влияния империализма. В 1970 - 1980-х гг. рассуждения об отставании нашей науки попали на страницы открытой печати. При этом утверждения квалифицированных экспертов, привязанные к конкретным ситуациям, усилиями салонных интеллектуалов как-то незаметно оказались переведены в разряд безусловных истин. Тем самым они превратились в аргумент идеологического свойства и получили последующее развитие.

Если наука и капитализм как два порождения европейской Реформации, восходящие к одному типу рациональности, к одним и тем же организационным принципам, связаны неразрывными кровными узами, то советская наука, оторванная от естественной материнской почвы капиталистических рыночных отношений, оказывается изначально обреченной на убогую жизнь оранжерейного растения (см., например, [Кузнецова, 1989]). Соответственно, переход к рынку должен едва ли не автоматически "подтянуть" российскую науку к мировому уровню.

По большому счету, думаю, никто досконально не разбирался, где, в каких исследованиях и насколько мы отстаем, а где нет. Достаточно вспомнить, например, рассказ Н. Тимофеева-Ресовского о том, как оценивались и использовались материалы их закрытых отчетов [Тимофеев-Ресовский, 1990]. Вряд ли для его коллег был изобретен какой-то специальный вид головотяпства и бюрократического равнодушия. Можно найти и свидетельства со стороны, например документ, под которым стоят подписи пяти нобелевских лауреатов из США. В нем содержится высокая оценка российской науки и призыв именно на путях ее развития искать выход из кризиса [Новая... 1996].

Однако восторжествовала примитивная логика популярных клише. Поиски специфических для научного сообщества стимулов к развитию были фактически пресечены, а надежды были возложены на витальность простейшего экономического интереса. Так были приведены в действие другие "смерчи" тоже из разряда простейших, более древних, чем тот, что соотнесен с образом науки. В частности, предложенная в то время интерпретация ее взаимоотношений с рынком явственно вызывала к жизни совсем другой

---

[4] Г. Малинецкий, сравнивая системы организации науки в современных России и США, нашел отечественный вариант куда более примитивным: "...параметры порядка в американской науке не имеют ничего общего с системой грантов - вспомогательным инструментом для выделения и поддержки активных ученых. Параметры порядка в науке США поразительно напоминают советские аналоги, а во многих случаях превосходят их масштабом, серьезностью и, я бы сказал, жесткостью организации" [Малинецкий].

тип самоорганизующейся системы, нежели тот, какой представлен и в современной рыночной экономике, и в соответствующей модели современного научного сообщества.

"Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднимаясь, опускаясь, гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие" [Толстой, 1979, с. 130], - пожалуй, во всей русской литературе нет более известного описания механизма преодоления социального кризиса посредством самоорганизации. Наверное, никакой другой образ не может с большим основанием служить "внерациональным" оправданием принятой в 1990-е гг. логике реформирования науки. Кстати, "дубина" в данном контексте - яркий пример трансформации европейского идеала на русской почве.

Л. Толстой - великий противник мистики, дает здесь довольно бесцеремонную интерпретацию таинственной шопенгауэровской *воли* - слепого, безудержного и ненасытного мирового начала, поддерживающего и воспроизводящего жизнь. *Глупая простота,* - говорит писатель, но это не насмешка, а резюме мыслителя, который всякую проблему рассматривал с практической стороны и при этом всегда находил ответ на вопрос "что делать?" В данном случае практический совет сводился к призыву активизировать мобилизационный потенциал простейших форм общественной жизни со всей их жесткой целесообразностью. Кто знает, вспоминался ли двадцать лет назад этот толстовский образ российским реформаторам. Однако они явно рассчитывали на спонтанную энергию *глупой простоты,* на инстинкт, действующий "поверх вкусов и правил" на всех уровнях и во всех подсистемах российского социума, включая научное сообщество.

Казалось, одного внешнего освобождения от идеологического и бюрократического диктата достаточно, чтобы этот стимул заработал, и не только экономика, но и наша наука с честью вышли из застоя[5]. Впрочем, судя по тому, что финансирование науки, по разным подсчетам, упало в начале 1990-х то ли на порядок, то ли больше - в 20 раз, в деле ее оживления полагались не столько на благодетельный дух свободы, сколько на методы "шоковой терапии".

И вот уже к 1998 г. численность научного сообщества сократилась почти вдвое, однако это не привело к повышению эффективности научного труда [Интрилигейтор, Брагинский, Швыдко, 2001]. Да и научные коллективы в массе своей не стали распадаться на отдельных специалистов, кооперирующихся для выполнения конкретного заказа и оценивающих друг друга единственно по профессиональному рейтингу.

Сошлюсь на данные социологических исследований, характеризующие первую реакцию научных коллективов на "шоковые" условия в Новосибирском научном центре (ННЦ): "Прежде всего, усилилась консолидация первичных групп. Эксперты фиксировали улучшение неформальных отношений в коллективах. Видимо, люди, стремясь преодолеть невзгоды, пытаются на уровне личных связей "включить" механизмы взаимопомощи и взаимной поддержки хотя бы в аспекте сопереживания, чтобы не оказаться перед угрозой в одиночестве" [Гордиенко, 1999, с. 73].

Конечно же, прагматизация отношений внутри научных коллективов усилилась, тем более что она поощрялась "сверху". Причем эксперты-руководители в большинстве своем рассматривали это явление как фактор, ухудшающий психоэмоциональное состояние ученых и тем самым снижающий эффективность работы и омрачающий перспективы самостоятельного выхода научных коллективов из кризиса. Кстати, быстрее всего

---

[5] "Демонтируйте инструменты коммунистического контроля и регулирования, приватизируйте предприятия, стабилизируйте финансы, уберите с дороги правительства и наблюдайте, как рыночная экономика вырастет из пепла", - сформулировал лауреат Нобелевской премии Дж. Тобин суть советов, получаемых российским правительством от иностранных специалистов, которыми оно опрометчиво воспользовалось [Тобин, 1996, с. 73].

формализация отношений шла в группах, возглавляемых не столько учеными, сколько администраторами.

Интересно отметить, что подобную реакцию на внезапную "свободу" проявили не только ученые. Картину, очень похожую на ту, что была представлена по результатам исследований в ННЦ, можно обнаружить, например, у В. Мансурова и Л. Семеновой, изучавших коллективы конверсируемых предприятий. И здесь инженерно-технические работники не спешили выступать как индивидуальные исполнители профессиональных ролей. Стратегия преодоления трудностей базировалась прежде всего на использовании межперсональных связей. Большие коллективы "разламывались" не на множество отдельных специалистов, а на структурированные группы-осколки, которые по швам связей "срастаются" в новые группы [Мансуров, Семенова, 1998].

Что защищали ученые, стараясь в первую очередь сохранить понятную и привычную структуру человеческих взаимоотношений, - вопрос чрезвычайно важный. Однако я не намерена останавливаться на нем сейчас. Отмечу лишь, что это неожиданное, иррациональное с точки зрения первоначального расчета поведение в условиях рынка современные российские социологи едва ли не в один голос связывают с поразительно низким уровнем социальной солидарности в нашем обществе. Так, по данным исследования, проведенного в 2006 г. Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Фондом им. Ф. Эберта, лишь 49% опрошенных считают, что добиваться чего-либо важного следует сообща, а ощущают стабильную поддержку со стороны близких и коллег и того меньше - 42% [Тихонова, 2006, с. 14]. Тезис о недостатке социальной солидарности подтверждают и данные Левада-Центра [Дубин, 2006].

Действительно, в той активности, которая проявляется через участие людей в деятельности коллективов, сообществ и организаций, создаваемых "снизу", мы явно не преуспели. Трудно не согласиться с тем, что "ни руководители бизнеса, ни политические партии, ни выборные власти, ни менеджеры медиа, ни академические сообщества, ни так называемые "деятели культуры" не стали за двадцать послеперестроечных лет сколько-нибудь независимыми и авторитетными силами" [Дубин, 2006].

Наверное, это положение можно считать проявлением некой болезненной слабости общества, как полагает Б. Дубин. Не исключено, что нашему обществу попросту не соответствуют универсалистские модели солидарности (Н. Тихонова). Но что если определить вектор развития той среды, которую представляет собой общество для бизнеса, деятелей культуры, политических партий и, разумеется, академического сообщества исключительно по уровню организованности?

Вот тут станет ясно, что все усилия по ее формированию начиная с 1990-х гг. были направлены в сторону **примитивизации** (см., например, [Интрилигейтор, 1993]). Тем самым был включен механизм организационной деградации: "система, работающая в хаотической среде или в среде с уровнем организации более низким, чем уровень самой системы, обречена: постепенно теряя свою структуру, система через некоторое время растворится в окружающей более хаотической среде" [Хильми, 1966, с. 272].

Таким образом, научное сообщество, а заодно и множество других, были обречены уже тогда, когда в качестве идеала для преобразований был принят тот, что даже в популярной версии образа науки ориентировал на **опрощение.** Из этого, на мой взгляд, следует, что не вполне корректно оценивать уровень солидарности в нашем обществе по его способности к порождению политических партий, общественных движений и союзов, способных лоббировать свои интересы так, как это принято в странах, где уровень солидарности принято считать высоким. Если социум в целом изменяется в сторону опрощения, деградации, то и формы солидарности его граждан должны нести на себе отпечаток общего.

В таком случае следует оценивать уровень гражданской солидарности по тем ее проявлениям, которые свойственны обществам более примитивного устройства. Можно рассматривать, например, темпы роста общественных организаций типа банд, то есть неформальных объединений молодых людей и подростков - от криминальных до ква-

зиполитических[6]. К соответствующему типу гражданской солидарности следует отнести и клановость нашего общества во всех формах ее проявления.

То, что научное сообщество за истекшие пореформенные годы не смогло сформировать, скажем, собственного парламентского лобби, тоже не следует относить на счет его внутренней слабости и неспособности к самоорганизации. Ученые в своих действиях тоже подчиняются **логике опрощения,** вырабатывая соответствующие условиям среды формы самоорганизации. Например, на фоне общего кризиса, довольно активно развиваются формы "антрепренерской науки"[7]. Иначе говоря, речь идет о формировании клана приближенных к власти экспертов и аналитиков, и активность "антрепренеров", выражающуюся в создании соответствующих институтов, фондов, исследовательских центров и проч., следует признать довольно высокой.

Известны и другие плоды такой ориентации, уже вполне доступные для наблюдения. Л. Судас и М. Юрасова, исследуя в течение ряда лет отношение студентов МГУ им. М. В. Ломоносова к науке, приходят к таким выводам: "В отечественной науке происходит интенсивное разрушение не просто традиционного научного этоса, но научного этоса как уникального внутринаучного морально-психологического комплекса, обеспечивавшего сохранение и воспроизводство социокультурного типа ученого" [Судас, Юрасова, 2006, с. 520]. Представления о деятельности ученого практически перестали отличаться от представлений о деятельности, скажем, предпринимателя или менеджера.

В этих обстоятельствах я смотрю на "иррациональное" поведение российских ученых с большим уважением. Те, кто идут на издержки, предпочитая сохранять традиционный для русской науки стиль человеческих отношений, конечно, постепенно уходят. Но уходят как герои, не отдавая знамени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булгаков С. Н. Иван Карамазов как философский тип // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 1(61).

Гордиенко А. А. Новосибирский научный центр: проблемы и перспективы выживания // Социологические исследования. 1999. N 8.

Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1873 год // *Ф. М. Достоевский.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 23. Л., 1981.

Дубин Б. В. Всеобщая адаптация как тактика слабых. Риторика власти - установки приближенных - настроения масс // Неприкосновенный запас. 2006. N 6 (50) // http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/du4-pr.html.

Ельцин Б. Н. Россия: человек, семья, общество, государство. Программа действий на 1996 - 2000 годы. М., 1996.

Интрилигейтор М. Д. Каковы перспективы российской экономики? // Деловой мир. 1993. 17 февраля.

Интрилигейтор М., Брагинский С., Швыдко В. Развитие секторов, базирующихся на потенциале человеческого капитала: шанс возрождения экономики России? // Проблемы теории и практики управления. 2001. N 3.

---

[6] Поэтизация всякого рода "бригад" и "братьев" в массовом искусстве 1990-х гг. как раз подобно юнгианскому "смерчу" показывает, что за архетипы российского сознания оказались восприимчивыми к пропаганде экономического опрощения и какого рода формы солидарности возникают в подобной простоте общественных отношений.

[7] А. Юревич использует понятие научного антрепренерства, введенное Дж. Раветцом, имея в виду "околонаучную деятельность, связанную с решением любых исследовательских задач (обычно в короткие сроки и на низком уровне), если это сулит материальные выгоды, нередко предполагающую искажение результатов в угоду заказчикам" [Юревич, 2006, с. 238].

Кузнецова Н. И. Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // Вопросы философии. 1989. N 3.

Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г., Подлазов А. В. Историческая динамика. Взгляд с позиций синергетики // Общественные науки и современность. 2005. N 5.

Малинецкий Г. Г. Вдоль или поперек? // http://www.keldysh.ru/departments/dpt_17/gmalin/vip.htm-109k.

Мансуров В. А., Семенова Л. А. Интеллигенция конверсируемых предприятий // Социологические исследования. 1998. N 10.

Новая экономическая политика для России // Независимая газета. 1996, 1 июля.

Солженицын А. М. В круге первом. Собр. соч. В 8 т. Т. 1. М., 1990.

Судас Л. Г., Юрасова М. В. "Синдром своеобразия" российской науки преодолен? // Вестник Российской академии наук. 2006. N 6 (Т. 76).

Тимофеев-Ресовский Н. В. "Я прожил счастливую жизнь". К 90-летию со дня рождения Н. В. Тимофеева-Ресовского // Природа. 1990. N 9.

Тихонова Н. Е. Оптимальная модель социальной политики в массовых представлениях // Социологические исследования. 2006. N 12.

Тобин Дж. Вызовы и возможности // Реформы глазами американских и российских ученых. М., 1996.

Толстой Л. Н. Война и мир *// Л. Н. Толстой.* Собр. соч. В 22 т. Т. 7. М., 1979.

Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Русская идея. М., 1992.

Хильми Г. Ф. Основы физики биосферы. Л., 1966.

Юревич А. В. Теневая наука.ru // Вестник Российской академии наук. 2006. N 3 (Т. 76).